

11. *Ibarretxe-Antuñano, I.* The importance of unveiling conceptual metaphors in a minority language: The case of Basque / I. Ibarretxe-Antuñano // *Endangered Metaphors* / ed. by A. Idström, E. Piirainen. – Amsterdam, Philadelphia, 2012. – P. 253–273.

12. *Niemeier, S.* To be in control: kind-hearted and cool-headed. The head – heart dichotomy / S. Niemeier // *Language, Body, and Culture: Cross-linguistic conceptualizations of Internal Body Organs*. – Berlin, 2008. – P. 349–372.

З. А. Харитончик (Минск, Беларусь)

МНОГОКРАТНОСТЬ ДЕРИВАЦИОННЫХ АКТОВ ИЛИ ШИРОКОЗНАЧНОСТЬ МЕТАФОРЫ

Опора в ходе номинативных процессов на уже имеющиеся в системе языка лексические единицы и выбор из вокабуляра в первую очередь тех слов, за которыми закреплено знание об объектах, явлениях или свойствах, типичных для окружающей носителей языка среды, доступных для восприятия, выделяющихся своей практической значимостью и т.п., с одной стороны, а также богатство известных носителям языка характеристик данных объектов, с другой, предопределяют возможность неоднократного использования имени в номинативных целях и, как следствие, открытость семантической структуры производного слова.

Существует принципиальное различие между многократным использованием имени в различных его значениях (ср., например, англ. *meaty* ‘мясной; информационно насыщенный’), ведущим к возникновению отраженной полисемии дериватов, между неоднократным использованием имени в качестве производящей базы в одном и том же ее значении с целью передачи различных смысловых модификаций (ср., например, *colicky* ‘страдающий от колики; вызывающий колику’) и актуализацией из репрезентируемой концептуальной структуры, к которой имя открывает доступ, не одной, а многих ее характеристик. Свободный выбор из общего знания, например, о лице сведений о ее внешнем виде (*One of his friends was, indeed, heavy around the hips and bottom, almost bellshaped, the third was small and foxy*)¹, своеобразной форме головы (*his foxy face*), о хитрости и интеллекте (*the long line of those men and women of experience and the most foxy intelligence*), о специфическом (рыжем) цвете меха (*a straight mass of red-gold hair, in cold King’s Chapel, more golden than foxy Frederica’s*), запахе (*its foxy breath*) и других качествах позволяют говорящим многократно использовать сравнение с данным животным для выражения специфических качеств человека, значительно расширяя выразительные возможности данного языка.

¹ Все примеры взяты из Британского национального корпуса английского языка (BNCE).

Материал разных языков (в первую очередь славянских, германских, романских и др.) убедительно демонстрирует широту свойств обозначаемых объектов, выбираемых из содержания производящих баз – источников наименования в качестве оснований для связывания с тем, что требует названия – целями номинации. В контексте данной работы нас, однако, интересует не столько этот, несомненно, важный и актуальный аспект деривации, сколько интерпретация семантики производных единиц в их компаративных значениях и пути ее исчерпывающего описания.

Казалось бы, наиболее оптимальным способом дескрипции данных производных, в основе семантики которых лежит метафора, может стать перечисление всех возможных свойств, связываемых с содержанием производящих баз, и вытекающие из этого многозначность и открытость семантической структуры производного слова. Однако необходимость разграничения актуального и потенциального, узуального и окказионального ставит исследователя, выбравшего данный путь, перед неразрешимой задачей. Не случайно лексикографы, приоритетом которых всегда было исчерпывающее и непротиворечивое описание семантики лексических единиц, в том числе и производных слов в их компаративном(-ых) значении(-ях), предпочитали указание типа «такой как, свойственный тому, что называется производящим словом» или просто отсылку к производящему слову. Несомненным преимуществом этого описания является, на наш взгляд, открытость семантической дескрипции, его недостатком – то, что получатель сообщения вынужден, опираясь на свой собственный опыт и на контекст, разрешать весьма непростую задачу идентификации передаваемого содержания.

Для лексиколога же данная проблема предстает еще в одном аспекте, а именно в плане характеристики передаваемого содержания как моносемии, полисемии или же широкозначности – особом типе значения, предложенным В. Я. Плоткиным и Л. Я. Гросулом. Думается, что широкозначность наилучшим образом отражает сущность передаваемых в результате метафоры смыслов, ряд которых могут получить статус узуальных значений, а многие остаются на уровне контекстуальных, прагматических реализаций некоторой информации, заключенной в концептуальных структурах. Вероятно также, что благодаря широкозначности метафоры, скрытой за формой имени, говорящий получает возможность избежать многократного повторения деривационного акта, обращаясь вновь и вновь к одному и тому же производящему слову. Вместо этого он, опираясь на сравнение, выбирает подходящее для него основание, уточняя формулу сравнения и делая его полным и по-новому звучащим.